

А. А. Калашникова

Печати как способ заверения русских судебных документов XV — первой половины XVI в.

Древнейшие русские судебные документы дошли до нас от XV в. Это преимущественно протоколы судебных разбирательств по поводу земельных споров, включающие в себя информацию о судьях, истцах, ответчиках и предмете спора, показания тяжущихся сторон и свидетелей, списки документов, представленных сторонами в качестве доказательств своей правоты, и приговор по делу. Такие дела могли разбираться великими и удельными князьями либо судьями, направленными на место спора по их распоряжению.

Судья мог разобрать дело на месте и выдать победившей стороне правую грамоту, которая составлялась в единственном экземпляре и запечатывалась печатью этого судьи. Но в определенных случаях дело отправлялось судье более высокого ранга на доклад: в Москву великому князю или, если речь шла об удельном князе, в резиденцию последнего. Князья не всегда лично принимали доклад, они могли поручить это кому-либо. В случае доклада судья, который начинал разбирать дело на месте, составлял судный список (протокол первоначального разбирательства) и отсылал его судье более высокого статуса. Таким образом, доклад — это процедура, во время которой судьей более высокого ранга принималось решение по делу, и это решение дописывалось на судном списке и заверялось печатью этого судьи. Затем данный судный список отсылался назад судье, начинавшему рассмотрение дела, который должен был на его основе составить докладную правую грамоту, скрепить ее своей печатью

и вручить выигравшей спор стороне. Докладная правая грамота полностью копировала судный список с докладом и завершалась приговором судьи, начавшим разбирательство.

Как правило, судебные грамоты заверялись небольшими (2–2,5 см в диаметре) прикладными черновосковыми, реже светловосковыми личными печатями судий. Статус судьи не влиял на способ приложения печати и ее внешний вид. От дел, которые разбирались великими и удельными князьями, в подлиннике сохранились всего четыре правые грамоты. Поздние списки правых грамот иногда упоминают, что к подлинникам были приложены печати того или иного князя, но по этим упоминаниям нельзя определить, как они выглядели и крепились. Например, список середины XVI в. с правой грамоты 1485–1490 гг. суда великого князя Ивана Ивановича упоминает, что «у судного списка печать великого князя», но как именно она крепилась и что на ней было изображено — неясно¹.

В подлиннике сохранились три великокняжеских правых грамоты с печатями:

1. Правая грамота 1485–1490 гг. суда великого князя Ивана Ивановича, данная Сенке Кузмину на земли Демино и пустошь Елагинскую, бывшие в споре с Матюшкой и Бекетом Григорьевыми детьми Вельяминова (ОР РГБ. Ф. 303. № 1007)². На грамоте обломок прикладной овальной светловосковой печати с неясным изображением и фрагментом надписи «...ань Иванов...».
2. Правая грамота 1498 г. суда великого князя Дмитрия Ивановича, данная старцам Симонова монастыря Антонию Скамейникову и Лариону на деревни Паче, Добрец и Безносовская, бывшие в споре со старостой Долгой слободки Микиткой Лысым (ОР РГБ. Ф. 191. № 67)³. На грамоте прикладная светловосковая печать с надписью «печать великого княз Иван Васильевича». Показательно, что несмотря на статус великого князя, пятнадцатилетний Дмитрий Иванович, разбиравший земельный спор, запечатывает грамоту печатью своего деда, а не своей собственной.
3. Правая грамота 13 августа 1547 г. суда великого князя Ивана Васильевича, данная Ивану Васильевичу Шереметеву на половину села Гаворон, бывшую в споре с князьями Юрием и Василием Ивановыми детьми Токмакова и князем Андреем Петровым сыном Ноздреватого⁴. К грамоте приложена светловосковая печать.

Сохранилась еще одна правая грамота с печатью удельного князя Михаила Андреевича Белозерского 1435–1447 гг. по делу о суде и дани с деревни Михалевской в Кистеме между неким Львом Ивановичем и Кирилло-Белозерским монастырем (РГАДА. Ф. 281. № 721)⁵. К грамоте приложена черновосковая печать с изображением женщины с рогом изобилия и фрагментом надписи «...ть княж... м...лова ондре...».

Способ приложения и внешний вид печатей на этих грамотах не отличается от печатей судей более низкого статуса, разбиравших земельные споры

на местах. К судным спискам, правым и докладным правым грамотам печать, как правило, прикреплялась следующим образом: сначала в нижней части документа параллельно основанию делался надрез, образовавшийся язычок загибался влево. Через два небольших отверстия в язычке и теле грамоты продевалась тонкая бумажная полоска, ее концы загибались друг на друга на лицевой стороне документа и на них оттискивалась печать⁶. Концы этой бумажной полоски могли оставлять длинными, так что они выглядывали из-под печати.

Исключением из вышеописанного способа крепления печатей является правая грамота 1478–1482 гг. суда князя Михаила Андреевича Белозерского по делу о спорных землях между Троице-Сергиевым и Кирилло-Белозерским монастырями (НИА СПбИИ РАН. Ф. 12. № 552)⁷. Афанасий Внуков и его сын Алеша вложили в Кирилло-Белозерский и Троице-Сергиев монастыри одни и те же земли. Афанасий Внуков оформил данную на Саврасовскую и Гридину деревни, Троицкую церковь и землю Усть-Вашкинца при пострижении в Кирилло-Белозерский монастырь, причем его сын присутствовал при оформлении грамоты и упоминается среди послухов. Тем не менее, по-видимому, позже Алеша оформил данную на те же земли, но уже Троице-Сергиеву монастырю, который в результате земельный спор проиграл.

К правому нижнему углу грамоты Михаила Андреевича тремя стежками («куриная лапа») прикреплен длинный (9 см) яркий малиновый шелковый шнурок, к которому, по-видимому, должна была крепиться печать, однако ее следов нет. Такое крепление нехарактерно для судебных документов. Известно всего две грамоты, заверенных схожим образом. Первый — это жалованная грамота Ивана III 1472–1476 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. № 3)⁸. При издании и в архивных описях она была классифицирована как жалованная правая грамота. У нее необычный формуляр, объединяющий типичную для жалованных грамот вводную формулу: «Се яз, княз(ь) велики Иван Василюевич(ь), пожаловал есмь...» и пересказ судебного разбирательства между неким князем Василием Ивановичем (возможно, Стригой-Оболенским) и великокняжескими крестьянами села Добромерье. Грамота не имеет четко выраженных признаков, которыми обладают другие судебные документы, поэтому она не может быть однозначно классифицирована ни как докладная правая, ни как правая грамота. При публикации было указано, что «на отгибе грамоты в проколах сохранился верхний конец зеленоватой нити от бывшей вислой печати»⁹. На подлиннике обнаружена белая шелковая нить, прикрепленная к грамоте тремя крупными стежками («куриная лапа»).

Другой пример заверения судебного документа вислой печатью — правая грамота 1425 г. суда митрополита Фотия¹⁰. К отгибу левой половины нижнего поля этой грамоты была привешена печать, от которой сохранилась коричневая шелковая нить с небольшим фрагментом темного воска¹¹. Всего сохранилось три судебных документа, выданных митрополитами¹², но только дело, разбираемое митрополитом Фотием, дошло до нас в подлиннике. Как прикладывались печати к двум другим митрополичьим грамотам — неизвестно. Возможно, вислыми

печатами заверялись грамоты митрополичьего суда, но также существует вероятность, что такая печать является особенностью грамоты митрополита Фотия, составленной в 1425 г., т. е. в то время, когда судебное делопроизводство еще не сложилось. Все прочие 87 судебных документов, сохранившихся в подлиннике, или не имеют печатей (таких меньшинство), или заверены прикладными печатами.

Возвращаясь к грамоте Михаила Андреевича Белозерского, отметим, что места для крепления шнура почти не оставлено. Нижний правый угол грамоты отрезан и загнут так, что поврежден фрагмент текста¹³. Малиновые шелковые шнуры и крепление «куриная лапа» использовались для княжеских и царских вислых печатей¹⁴, однако ни одна из сохранившихся грамот Михаила Андреевича не заверялась подобным образом.

От белозерского князя сохранился обширный архив, состоящий из более чем ста жалованных, указных, меновых и правых грамот¹⁵, 38 из них сохранились в подлиннике. Все они заверены печатью князя или имеют ее следы; на некоторых документах печать сохранилась полностью¹⁶. На печати Михаила Андреевича изображалась женщина с рогом изобилия в левой руке, которую окружает надпись «печать князя Михаила **Г**ндреевича». Такая печать оттискивалась на черном или желтом воске; она прикладывалась непосредственно к грамоте, а не привешивалась к ней при помощи шнура.

Итак, можно предположить, что малиновый шнурок был прикреплен к грамоте из собрания СПбИИ РАН позднее XV в., что также объясняет его хорошую сохранность и яркость цвета. Оригинальная печать князя Михаила Андреевича либо совсем не была приложена к этой правой грамоте, либо позднее была отрезана вместе со всем нижним полем.

Предполагаемая поддельность шнура тем не менее не означает поддельности самой грамоты. Правая грамота с малиновым шнурком написана канцелярским полууставом, имеющим общие черты с почерками писцов, писавших другие грамоты князя Михаила Андреевича¹⁷. Ее почерк наиболее близок почерку, которым написана жалованная грамота архимандриту Симонову монастыря Симеону (РГАДА. Ф. 281. № 706)¹⁸. Эти документы близки по времени создания: 1477 г. у жалованной грамоты и 1478–1482 гг. у правой грамоты с малиновым шнурком. Кроме того, их объединяет манера написания некоторых букв. Так, у литеры «т» иногда встречается своеобразное серповидное начертание, характерное для документов, составленных в канцелярии Михаила Алексеича. Схожим образом пишется литера «ъ», у «д» округлые ножки, «п» имеет длинные вертикальные штрихи, выходящие за пределы строки.

Обе рассматриваемые грамоты заканчиваются фразой: «а подписал деак Иван». Конец грамоты с малиновым шнурком написан более убористым почерком, чем начало, расстояние между строк становится меньше, буквы мельче, будто бы писавший экономил бумагу. Особенно это заметно на последних строках грамоты.

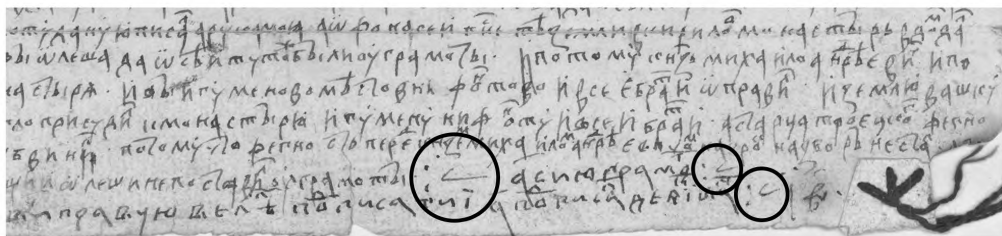

Рис. 1. Фрагмент правой грамоты 1478–1482 гг.
суда князя Михаила Андреевича Белозерского с дьяческой подписью.
НИА СПбИИ РАН. Ф. 12. № 552

На рис. 1 видно, что в предпоследней строке грамоты присутствуют знаки (:L), после которых идут слова «а сию грамат(у)», за которыми повторяется аналогичный знак и мы снова его видим после слов «деяк Иван». Можно предположить, что этим знаком выделяется подпись. Аналогичным образом выделяется подпись дьяка и на упоминавшейся выше жалованной грамоте 1477 г. (РГАДА. Ф. 281. № 706). Такой же знак (:L) мы находим и рядом с подписью князя Михаила Андреевича на обратной стороне грамоты с 1459/60 г. (НИА СПбИИ РАН. Ф. 12. № 665)¹⁹. Эта подпись идентична княжеской подписи на жалованной грамоте 1477 г. (РГАДА. Ф. 281. № 706), обе они также заканчиваются «:L». По-видимому, этот знак был распространенным элементом, использовавшимся для выделения подписи в тексте.

На грамоте с малиновым шнурком после дьяческой подписи и знака «:L» следует монограмма (см. рис. 1), которая присутствует и на других грамотах Михаила Андреевича, однако в публикации в АСЭИ о ее наличии не сказано²⁰. Ю. Г. Алексеев разработал классификацию дьяческих монограмм и отнес эту монограмму к типу 15²¹. Она представляет собой кириллическую лигатуру и расшифровывается как «Иван»²². В канцелярии Михаила Андреевича работало шесть дьяков с именем Иван: Кулудар, Щербина и Шимонов, перешедшие на службу к белозерскому князю после ликвидации удела его брата Ивана Андреевича Можайского²³, Котов, Тимофеев и Ципля. Ю. Г. Алексеев считал, что был еще один дьяк Иван, чье прозвище осталось неизвестным и именно ему принадлежат монограммы 15-го типа. Однако Л. В. Мошкова и А. Л. Грязнов считают, что эти монограммы принадлежат не дьяку Ивану без прозвища, а Ивану Дмитриевичу Ципле, потому что бояр Монастыревых²⁴. Ю. Г. Алексеев считал, что монограмма этого дьяка относится к 17-му типу и сохранилась только на грамоте Михаила Андреевича Троице-Сергиеву монастырю вместе с подписью «И яз подписал деяк Иван Ципля» (ОР РГБ. Ф. 191. Д. 43)²⁵. По-видимому, при составлении классификации Ю. Г. Алексеев не всегда мог обратиться к подлинным документам, поэтому, опираясь на некорректную прорисовку из АСЭИ, он отнес монограмму Ципли к отдельному 17-му типу, выделение которого нецелесообразно (см. рис. 2).

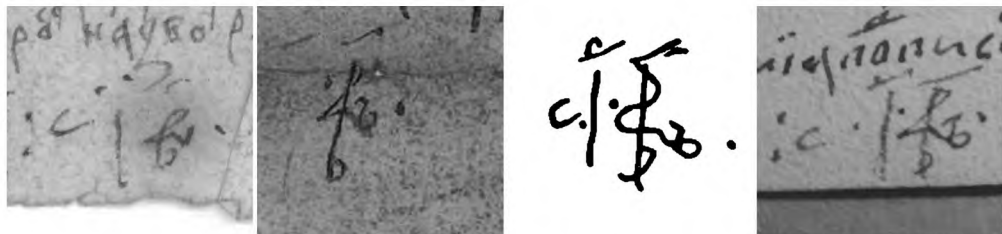

Рис. 2. Дьяческие монограммы: 1 — правая грамота с малиновым шнурком (НИА СПбИИ РАН. Ф. 12. № 552); 2 — жалованная грамота Михаила Андреевича (РГАДА. Ф. 281. № 706) — тип 15; 3 — прорисовка монограммы с грамоты Михаила Андреевича Троице-Сергиеву монастырю (АСЭИ. Т. 1. № 503); 4 — грамота Михаила Андреевича Троице-Сергиеву монастырю (ОР РГБ. Ф. 191. № 43) — тип 17

На рис. 2 видно, что на некоторых монограммах 15-го и 17-го типов (№ 54 по классификации Ю. Г. Алексеева) есть буква «с». Поскольку в имени «Иван» этой буквы нет, ее присутствие в монограмме нелогично. На наш взгляд, этот символ необходимо трактовать не как литеру и часть монограммы, а как часть графического элемента «Л», выделяющего подпись. На грамоте Михаила Андреевича Троице-Сергиеву монастырю (ОР РГБ. Ф. 191. № 43) дьяческая подпись помещается между такими знаками и выглядит следующим образом: «княз Михаіло Андрѣевич велья сию грамот(у) подписати і а подписал деяк іван ципля». При публикации в АСЭИ отмечено, что приведенная подпись написана «нетвердым почерком и явно малограмотно»²⁶. Издатели также предположили, что после буквы «а» пропущена «з». Таким образом, должно читаться «і аз подписал». При заверении грамот обычно используется формула от третьего лица: «а подписал такой-то». Кроме того, отличается начертание буквы «и», открывающей новый смысловой раздел акта. Как в рассматриваемой нами грамоте, так и в других актах для этих целей используется буква «иже», а не «і». Обратим внимание на то, что в подписи того же дьяка на грамоте с малиновым шнурком также присутствует буква «і» (см. рис. 1), которая опущена при публикации²⁷. По-видимому, подпись Ципли была устойчивой, едва ли он мог делать одни и те же ошибки. Возможно, стоит читать «а подписал деяк іван ципля», а «і» в таком случае будет относиться к слову «подписати».

Бумага грамоты с малиновым шнурком имеет водяной знак — готическая литера «Р» с четырехконечным крестом сверху, 6 см в высоту. При публикации водяной знак описан, но не отождествлен²⁸. В онлайн-базе водяных знаков, созданной при поддержке Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG), нам удалось обнаружить три идентичных филигрانی 1480 г.²⁹ Отождествление филигрانی позволяет предположить, что грамота с малиновым шнурком была составлена скорее всего в 1480–1482 гг., а не в 1478–1482 гг., как датировано при публикации.

Итак, анализ почерка, водяного знака, дьяческой монограммы и подписи позволяют заключить, что грамота с малиновым шнурком подлинная, однако шнурок, по-видимому, был прикреплен к ней позднее. В копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. сохранились списки этой грамоты (ОР РНБ. СПбДА А 1/16. Л. 1081–1084; Q.IV.1136. Л. 144 об. — 148 об.), которые не упоминают ни о печатях, ни о шнурке. Вероятно, шнурок был прикреплен к ней после XVII в. По какой причине грамота подверглась такого рода поновлению, пока сложно сказать.

На большей части судебных документов, сохранившихся в подлиннике, присутствуют печати или их следы. Нередки случаи, когда печати на акте нет, но виден ее след: из-за того, что грамоты хранились в сложенном виде, воск отпечатывался на теле документа. По этим отпечаткам можно определить количество печатей, приложенных к акту и их размер. Причины утраты могут быть разными, но, по-видимому, иногда печати отрезали вместе с нижним краем грамоты, о чем свидетельствуют пометки, сделанные почерком XIX в. на документах³⁰. Печати имели самостоятельную ценность для коллекционеров и, по-видимому, могли отрезаться от документов по этой причине³¹. Однако некоторые грамоты дошли до нас в подлиннике без печатей и следов их крепления. Так, самая ранняя из сохранившихся правая грамота суда великого князя Василия Дмитриевича не заверена печатью³². Кроме нее известно еще пять подлинников судебных документов без печатей:

1. Судный список 1464–1478 гг. съезжих судий Василия Михайлова сына Обухова и Олферия Едигея (РГАДА. Ф. 281. № 8737)³³;
2. Судный список 1472 г. суда Якова Игнатъева сына Татищова (РГАДА. Ф. 281. № 3726)³⁴;
3. Судный список 1495–1499 гг. суда Андрея Перелешина (РГАДА. Ф. 281. № 3394)³⁵;
4. Судный список 1465/66 г. суда Остафия Суцова (РГАДА. Ф. 281. № 11786)³⁶;
5. Судный список 1484–1490 гг. суда дьяка Алексея Клементьева (ОР РГБ. Мух. № 63)³⁷.

Подробнее рассмотрим третий документ из этого перечня (РГАДА. Ф. 281. № 3394). Судья Андрей Перелешин разбирал серию земельных споров между Троицким монастырем и крестьянами Залесской и Березовской волостей, состоявшую из 12 дел³⁸. Четыре из них сохранились в подлиннике, и они заверены печатями (ОР РГБ. АТСЛ. № 1012; РГАДА. Ф. 281. № 3335, 3336; НИА СПбИИ РАН. Ф. 41. № 39)³⁹. При публикации грамоты РГАДА. Ф. 281. № 3394 в АСЭИ издатели обратили внимание на то, что «запись доклада писана крупным, весьма выработанным приказным почерком, более подходящим для XVI века», а дьяческая подпись не похожа на оригинальную⁴⁰. Это, а также отсутствие печати, позволило предположить, что грамота является современным разбирательству списком. Однако исследования Л. В. Мошковой показывают, что 40% списков

из собрания РГАДА (Ф. 281) в той или иной степени фальсифицированы⁴¹. Судный список (РГАДА. Ф. 281. № 3394) нуждается в тщательном изучении для подтверждения его подлинности, что должно быть темой отдельной работы.

Итак, в общей сложности сохранилось только пять (и один под вопросом) судебных документов без печати из 88 подлинников XV — первой половины XVI в. Если не считать самую раннюю правую грамоту 1416 г., то все судебные документы без печатей — это судные списки. Можно предположить, что именно этим объясняется отсутствие печатей, и что к заверению правых и докладных правых грамот подходили более тщательно, поскольку именно эти документы подводили итог судебного разбирательства, тогда как судный список не являлся окончательным юридическим документом, отражая лишь промежуточную стадию судебного процесса. Судный список был необходим для того, чтобы дать ход делу и объяснить обстоятельства спора судье, принимавшему доклад⁴².

Тем не менее отсутствие печати само по себе не свидетельствует о подложности грамоты. Вероятно, судебное делопроизводство совершенствовалось с течением времени и постепенно наличие печати судьи на правой грамоте или судном списке стало обязательным, тогда как на ранних грамотах заверение при помощи печати могло отсутствовать. Так, все судебные документы, сохранившиеся от первой половины XVI в., заверены прикладными печатями.

На доклад судный список поступал без печати и прочитывался вслух в присутствии истца и ответчика, которые подтверждали его подлинность. Печать же была необходима для заверения процедуры доклада, после которого судный список возвращался судье, начинавшему судебное разбирательство. Необходимо было защитить судный список от подделки, поскольку на его основе составлялась докладная правая грамота и выносилось окончательное решение по делу. Правая и докладная правая грамоты, напротив, всегда запечатывалась печатью судьи, выносившего решение по делу, поэтому судный список не мог быть превращен в докладную правую грамоту путем простого дописывания решения по делу.

Иногда на судных списках печать крепилась не внизу грамоты, а прямо посередине — на том месте, где помещался протокол доклада. Примером тому служат четыре судных списка из собрания РГАДА:

1. Судный список 1509 г. о Тумодеевском бортном лесе на реке Пьяне, оспариваемый великокняжескими бортниками у архимандрита Печерского монастыря Ильи (РГАДА. Ф. 281. № 7943)⁴³;
2. Судный список 1535 г. суда Константина Левонтьева сына Копытова и Захария Александра сына Руготина о спорных землях между слугой Владимира Мансурова Офоней Кокораем и ключником Троице-Сергиева монастыря села Присеки Федкой Митиным (РГАДА. Ф. 281. № 1175)⁴⁴;
3. Судный список 1536 г. суда подьячего Михайло Иванова сына по делу о спорных землях между помещиками Федором и Никитой Ивановыми детьми Чюлкова и слугой Троице-Сергиева монастыря Матфеем Ивановым сыном Малого (РГАДА. Ф. 281. № 1179)⁴⁵.

4. Судный список 1540 г. суда данных судий Володи Клементьева сына Малцова, кестемского поселского Некраса Иванова сына Петрова и Плохого Никифорова по делу о лугах по реке Кестме между крестьянами Шипинского села и Симоновым монастырем (РГАДА. Ф. 281. № 12852)⁴⁶.

Первая из перечисленных грамот ветхая, ее начало сильно повреждено. На обороте видны следы черновосковской печати, помещенной сразу под текстом доклада, посередине листа. По-видимому, такое крепление надежнее защищало судный список от фальсификации, чем традиционное прикладывание печати к нижней части грамоты. В этом случае печать нельзя было незаметно отрезать или снять и, следовательно, нельзя было дописать что-то после текста доклада.

Итак, приемы заверения судебных документов постепенно эволюционировали. Если первоначально судные списки могли совсем не заверяться печатью, то постепенно это становится обязательным, а некоторые писцы прибегают к изощренным методам крепления печатей, стремясь надежнее защитить документ от подделки. Правые грамоты и докладные правые грамоты, в отличие от судных списков, всегда, за редкими исключениями, описанными выше, заверялись прикладными печатями по одной и той же стандартной схеме. Разные виды судебных документов требовали заверки разными печатями: к правым и докладным правым грамотам прикладывались печати судий, начинавших рассмотрение дела, тогда как к судным спискам прикладывалась печать судьи, разбиравшего дело на докладе.

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). Т. 1. № 521.

² АСЭИ. Т. 1. № 522.

³ АСЭИ. Т. 2. № 416.

⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. Т. 1. № 52/5. Подлинник грамоты предположительно должен храниться в архиве СПбИИ РАН, однако пока нами найден не был.

⁵ АСЭИ. Т. 2. № 90.

⁶ Детально о наложении воска на грамоту см. *Каушанов С. М.* Актовая археография. М., 1998. С. 260–261.

⁷ АСЭИ. Т. 1. № 467.

⁸ АСЭИ. Т. 2. № 467а.

⁹ Там же. С. 507.

¹⁰ АСЭИ. Т. 3. № 32. В публикации указан шифр: ГИМ. Ф. 12. Ящик 66/20. Отд. III. № 3. Уваровское собрание было разделено между Отделом рукописей и Отделом письменных источников ГИМ. По-видимому, в XIX в. часть собрания хранилась в ящиках, но при поступлении в ГИМ была реформирована. Пока подлинник этого документа найти не удалось.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² Список с правой грамоты 1492 г. суда митрополита Зосимы (ОР ГИМ. Синодальное собрание. Кн. 276. Л. 242 об. — 343 об.; АФЭХ. Ч. 1. № 204); список с судного списка 1478/79 суда митрополита Геронтия (ОР РНБ. СПбДА. А 1/17. Л. 1867 об. — 1868 об.; АСЭИ Т. 2. № 315).

- ¹³ При публикации грамоты дефект текста не указывается, пропуск реконструируется без ссылок и пояснений. См.: АСЭИ. Т. 1. С. 354.
- ¹⁴ *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 104; *Новикова О. Л.* Особенности креплен- ный вислых печатей иерархов Северо-Восточной Руси в конце XIV – XVI в. // Вестник Альянс-Архео. 2014. № 5. С. 5; *Капитанов С. М.* Актовая археография. С. 258–267.
- ¹⁵ Большая часть этих грамот опубликована в: АСЭИ. Т. 2. № 65, 66, 68, 69, 74, 76–80, 88, 90–92, 106–113, 120–142, 147, 149, 153–156, 159, 162, 164, 166, 167, 171–173, 179, 182, 186, 188–190, 201, 204, 211, 212, 217, 218, 220–223, 228, 233, 235–237, 239–245, 248, 253, 255, 262, 265, 269, 272, 318, 320–322, 324–326, 390, 391, 397.
- ¹⁶ АСЭИ. Т. 2. № 110.
- ¹⁷ Подробно о почерках канцелярии белозерского князя Михаила Андреевича см.: *Мошкова Л. В.* Грамоты XV – первой трети XVI в. из Ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (статья первая) // Вестник Альянс-Архео. 2016. № 17. С. 83–84.
- ¹⁸ АСЭИ. Т. 2. № 391.
- ¹⁹ Там же. № 172.
- ²⁰ АСЭИ. Т. 1. № 467. С. 354.
- ²¹ *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управле- ния XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 175–176. По классификации Ю. Г. Алексеева – это моно- граммы № 46–48, 50–54. См.: С. 307–308. Приложение VII.
- ²² *Мошкова Л. В., Грязнов А. Л.* Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – на- чала XVI в. // Вестник Альянс-Архео. 2017. № 19. С. 11–12.
- ²³ *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 173.
- ²⁴ *Грязнов А. Л.* Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ // Вестник Альянс-Архео. 2017. № 18. С. 31–84; *Мошкова Л. В., Грязнов А. Л.* Принципы чтения дьяческих моно- грамм... С. 11–12.
- ²⁵ АСЭИ. Т. 1. № 503.
- ²⁶ Там же. С. 382.
- ²⁷ Там же. № 467. С. 354.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Онлайн-база данных филиграней Piccard online. URL: https://www.wasserzeichen-online.de/wzis/?ref=DE1185-S1381_4; https://www.wasserzeichen-online.de/wzis/?ref=DE1185-S1381_10; https://www.wasserzeichen-online.de/wzis/?ref=DE8280-Hs.509.640a_343 (дата обращения 13.09.2019).
- ³⁰ АСЭИ. Т. 2. С. 424, 446.
- ³¹ См. подробнее: *Мошкова Л. В.* Фальсификация русских актов в первой половине XIX в.: проблемы изучения // Вестник Альянс-Архео. 2015. № 11. С. 58–67; *Козлов В. П.* Тайны документальных фальсификаций, или Обманутая, но торжествующая Клио: анализ под- делок документальных исторических источников по российской истории в XVIII – на- чале XXI в. М., 2015.
- ³² АСЭИ. Т. 3. № 31.
- ³³ АСЭИ. Т. 1. № 340.
- ³⁴ АСЭИ. Т. 2. № 388.
- ³⁵ АСЭИ. Т. 1. № 587.
- ³⁶ АСЭИ. Т. 2. № 463.
- ³⁷ Там же. № 481.
- ³⁸ АСЭИ. Т. 1. № 583–594.
- ³⁹ Там же. № 583, 586, 589, 592.
- ⁴⁰ Там же. С. 475.
- ⁴¹ Л. В. Мошкова проанализировала 636 актов, отнесенных в описи фонда 281 к XV – первой трети XVI в. См.: *Мошкова Л. В.* Грамоты XV – первой трети XVI в. из Ф. 281 РГАДА. С. 43.
- ⁴² *Калашикова А. А.* К вопросу о классификации русских судебных документов XV – пер- вой половины XVI веков: правые грамоты и судные списки // Петербургский историче- ский журнал. 2018. № 4. С. 264–272.

- ⁴³ Максим В. А., Пудалов Б. М. Докладной судный список 1509 года из архива нижегородского печерского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 114–119.
- ⁴⁴ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1. № 44.
- ⁴⁵ Там же. № 46.
- ⁴⁶ Там же. № 53.

References

- ALEXEEV J. G. *U kormila Rossijskogo gosudarstva: Oчерk razvoitija aparata upravlenija XIV–XV v.* Saint Petersburg, 1998.
- GRJAZNOV A. L. *Djacheskije monogramy na aktah iz fonda GKE* // Vestnik Al'jans-Arheo. 2017. N 18. P. 31–84.
- KALASHNIKOVA A. A. *K voprosu o klasifikatsii russkikh sudebnykh dokumentov XV – pervoi poloviny XVI vekov: pravnye gramoty i sudnyje spiski* // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2018. N 4. P. 264–272.
- MOSHKOVA L. V. *Gramoty XV – pervoj treti XVI v. iz F. 281 RGADA: paleograficheskie zametki (stat'ja pervaja)* // Vestnik Al'jans-Arheo. 2016. N 17. P. 40–89.
- MOSHKOVA L. V. *Fal'sifikatsija russkikh aktov v pervoi polovine XIX v.: problemy izuchenija* // Vestnik Al'jans-Arheo. 2015. N 11. P. 58–67.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Калашникова. Печати как способ заверения русских судебных документов XV – первой половины XVI в. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 8–18

Аннотация: Судебные документы заверялись, как правило, небольшими восковыми личными прикладными печатями судей. Статус судьи не влиял на способ заверения: великие и удельные князья и служилые люди одинаково запечатывали судебные документы. В зависимости от вида документа к нему прикладывалась печать того или иного типа: к правым и докладным правым грамотам – печати судей, начинавших рассмотрение дела, тогда как к судным спискам – печати судей, разбиравших дело на докладе. Такая система складывалась постепенно и сформировалась к первой половине XVI в.

Ключевые слова: печати, заверение судебных документов, дьяческие монограммы, источниковедение, делопроизводство Московского княжества XV в.

FOR CITATION

A. Kalashnikova. Seals as tools of the 15th – the first half of the 16th centuries. Russian judicial documents' authentication // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 8–18

Abstract: Usually judicial charters were sealed with small wax seals of judges. Status of a judge did not effect on the way of authentication: grand dukes as well as ordinary clerks sealed documents the same way. Depending on the type of judicial document it was sealed with one or another type of the seal. Judgement carters were sealed with seals of judges who dealt with the case on the initial stage, while trial records were sealed with seals of judges who settled the case on the stage of the *doklad*. That system was forming gradually and took its shape in the first half of the 16th century.

Key words: seals, judicial charters' authentication, source study, paperwork in 15th century Muscovy.

Автор: Калашникова, Ангелина Анатольевна – аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, младший научный сотрудник НИА СПб ИИ РАН.

Author: Kalashnikova, Angelina Anatol'evna – PhD student in the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: carpenterson@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2430-3298>